

Грета Ионкис

•

Прикосновения

34 эссе
о внутреннем
величии

•

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Грета Ионкис

**Прикосновения. 34 эссе
о внутреннем величии**

«Алетейя»

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ионкис Г.

Прикосновения. 34 эссе о внутреннем величии / Г. Ионкис —
«Алетейя», — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-00165-034-8

Предлагаемый читателю сборник избранных эссе - новая книга Греты Ионкис, историка литературы и культуролога, автора множества публикаций и ряда книг, среди которых особой популярностью пользуются «Евреи и немцы в контексте истории и культуры» и «Золото Рейна. Сокровища немецкой культуры». В книге «Прикосновения», состоящей из восьми разделов и включающей 34 эссе, автор под необычным ракурсом показывает связь истории и современности, излагает биографические факты и интерпретирует творческий путь выдающихся личностей. Заинтересованный читатель встретится как с хорошо известными, так и с новыми для себя именами и получит пищу для размышлений.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-034-8

© Ионкис Г.
© Алетейя

Содержание

Авторское предисловие	6
Раздел первый	7
1. Истоки менталитета немцев и их Ordnung	7
2. Бисмарк как социальный реформатор	14
3. Какой социализм подарила миру Германия	18
Раздел второй	25
1. Сквозь очки, отшлифованные Барухом Спинозой	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Г. Ионкис
Прикосновения. 34 эссе
о внутреннем величии

*Сыну Роберту, внучкам Линде и Берте-Ванессе, первой правнучке
Сашеньке с любовью*

Авторское предисловие

Уважаемый читатель, перед вами сборник эссе, на мой взгляд, лучших из более трехсот, написанных мною в Германии за последнюю четверть века. Вам предстоит и погружение в "веков завистливую даль" и прикосновение к проблемам современности.

Название книги "Прикосновения" выбрано не случайно. Даже тактильные прикосновения могут быть волшебными, а бывают ведь и божественные. Название сборника эссе говорит о том, что перед вами не научный труд, требующий доказательств, выкладок, сносок и т.д. Жанр эссе позволяет прикоснуться к жизни и судьбе героев. Эссеистика предполагает не исследование, а скорее – свободный полет мысли. При фактографической точности эссе допускают ассоциации, неожиданные повороты, отступления и даже повторы.

В молодые и зрелые годы я писала диссертации, монографии, статьи, но эссе – это нечто иное. Прикасаясь к проблеме, теме, явлению, личности или судьбе человеческой, оно будит читательский интерес, подталкивает к размышлениям.

Эссе, собранные под обложкой книги и сгруппированные по разделам, весьма разнообразны, как, впрочем, и сама жизнь. Между ними существует определенная связь, которую легче почувствовать, переходя от страницы к странице, но начинать чтение можно и с любого, указанного в оглавлении, текста.

При всей пестроте, выбор текстов не случаен. С некоторыми авторами (Пушкин, Гейне) и персонажами (Клеопатра) я соприкоснулась еще в детстве. Марлен Дитрих я даже видела на концерте в Москве, когда училась в аспирантуре. Творчеством таких выдающихся личностей, как Гёте, немецкие романтики, Бальзак, Ницше, Фрейд, англичане – Уайльд, Киплинг, Элиот, сёстры Бронте я занималась в процессе своей научной и педагогической работы. С некоторыми (Лютер, Глюкель и Берта Паппенхайм, Нелли Закс и др.) я познакомилась уже здесь, в Германии. Так или иначе, они сопровождали меня по жизни, были моими спутниками. Я сроднилась с ними, когда работала над своими книгами по английской литературе и написанными уже в Германии книгами "Евреи и немцы в контексте истории и культуры" и "Золото Рейна. Сокровища немецкой культуры".

Раздел первый Реформаторы

1. Истоки менталитета немцев и их *Ordnung*

История германского народа, если начать *ab ovo* – от германских племен (всех этих франков, саксов, готов, швабов, вандалов, алеманов и пр. и пр.), насчитывает более двух с половиной тысяч лет. Но ментальность народа формируется, когда происходит объединение племен. Процесс этот тянулся около тысячи лет.

Понять ментальность немцев помогают русские поэты. Поэзия, как известно, предлагает сгустки смысла. Александр Блок в своем известном стихотворении "Скифы", из которого все помнят автохарактеристику: "Да, скифы мы, да, азиаты мы с раскосыми и жадными очами", определил главные черты ментальности европейских соседей – французов и немцев, сказав: "Нам внятно всё: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений". Что такое "гений"? Дух. Дух немцев сумрачный, трагический.

У Осипа Мандельштама есть стихи, где создан образ старых германских сказителей-скальдов и удивительно точно и лаконично передан дух их героических песен:

В серебряном ведре нам предлагает стужа
Валгаллы белое вино,
И светлый образ северного мужа
Напоминает нам оно.

Но северные скальды грубы,
Не знают радостей игры,
И северным дружинам любы
Янтарь, пожары и пиры.

Мандельштам, как и Блок, уловил очень важное качество германцев: *холодность, грубость, суровость*, северные мужи и их певцы-скальды не знают радостей игры. Что это значит? Они *серьезны, не признают шуток, любовь задвинута куда-то в угол*. Это всё свойства германского менталитета. Характерно, что их отметили русские поэты, это был взгляд со стороны. Разумеется, этими свойствами менталитет не исчерпывается, но они существенны.

Заслуги Карла Великого

Немцы религиозны. А чтобы вы поняли, как и с каких пор вколачивались в них основы христианства, вспомним о Карле Великом, короле франков, которого в 800 году Папа римский короновал императором. Карл Великий, или Шарлемань, как его называют французы (будете в Париже, увидите его на коне справа перед собором Парижской Богоматери), этот замечательный Каролинг основал огромную империю. Он был не только великим воином, но и первым просветителем Европы, причем сам он стал школяром в 30 лет. За 2 года он освоил латинскую грамматику, начала астрономии, стал сведущим в риторике и античной литературе.

Науки как таковой не существовало. Что же касается учености, то главной заботой ученых мужей было слово. И это понятно. Как сказано в Евангелии от Иоанна: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог". Главной книгой была Библия. Причем на заре

средневековья в основе обучения было слово звучащее, а не начертанное. Овладение грамотой до X—XII веков – вещь редкая. Слушать – слушаться – послушник, послушание как норма жизни.

Центр монашеской педагогики – это опыт молитв. И здесь был необходим тщательный тренинг. Карл Великий распорядился: ”Символ веры и молитву Господню должны знать все. Мужчин, которые их не знают, поить только водою, покуда не выучат. Женщин не кормить и пороть розгами. Стыд и срам для людей, называющих себя католиками, не уметь молиться”. Это VIII век.

Державное единство, как его понимал Карл, к которому он стремился, требовало со стороны церкви единых культурных действий. Перво-наперво началась выработка учительского канона (канонический текст Библии, свод реформированных литургических обрядов, образцовый сборник проповедей на все случаи – всё это нужно было подогнать, затвердить, застолбить, встроить во ”всеобщее” сознание). И комиссия при дворе Карла этим и занялась, канон был создан и действовал примерно до XV века.

При дворе Карла в Аахене была создана придворная школа, получившая позже в исторической науке название ”академии Карла Великого”. Потом при нем же она выросла в сеть школ. Это был питомник скороспелой культурной элиты, которой предстояло управлять франкской державой. Придворная школа для детей короля и высших вельмож, будущих государственных сановников, существовала у франков и раньше, но при Меровингах она служила, главным образом, воспитанию воинских доблестей, – при Карле Великом она стала служить обучению латинскому языку, классикам, Библии и семи благородным наукам. Учителями здесь были лучшие ученые, съехавшиеся со всех концов христианской Европы, учениками были франки из лучших родов, предназначенные Карлом для политической карьеры.

Если вы спросите, а что это за *семь благородных наук*, то я отвечу: грамматика, риторика, логика, этика, арифметика, геометрия, астрономия. А классики – это Вергилий, Гораций, Овидий. Император обязал духовенство открывать школы для всех сословий. Его инициативы просто потрясают. На дворе стоял VIII век, а Пётр I, которого тоже неспроста звали Великим, начал свои реформы на исходе XVII-го. Так что помнить о Карле Великом стоит: не так уж много столь развитых личностей оказывается в разные времена у кормила правления.

Влияние реформатора Мартина Лютера

Но еще более значительное влияние оказал на менталитет немцев Мартин Лютер. Это уже XVI век. Родом из крестьянской семьи, отец его, правда, уже работал на медных рудниках, Мартин вырос в нищете и вопреки воле отца постригся в монахи. Монахом он оказался мятежным, восстал против католической церкви и Папы римского: Рим иначе как ”вавилонской блудницей” не называл. Он считал, что католическая церковь отступила от заветов Христа, погрязла в коррупции, разврате и других грехах. Уже будучи доктором теологии, он в 1517 году в день Всех Святых прибил к дверям храма в Виттенберге свои ”95 тезисов”. В течение месяца они распространились по всей Европе. Ведь открытие Гуттенберга уже состоялось, и печатный станок работал. Масштабы последствий своего выступления Лютер, возможно, и не представлял. Но Стефан Цвейг очень точно выразился: Лютера ”переполняет и распирает мощь и буйство целого народа”. Цвейг объяснил, почему именно Лютер возглавил Реформацию: ”Он мыслит, инстинктивно ориентируясь на массу, воплощая ее волю, возведенную до высшего накала страсти. С ним в сознание мира прорывается всё немецкое, все протестантские и бунтарские немецкие инстинкты, а поскольку нация принимает его идеи, он сам входит в историю своей нации. Он возвращает стихии свою стихийную силу”.

Его обращения к народу вызвали Крестьянскую войну, а понашему – пугачёвщину. Он этого не хотел. Лютер пытался остановить восставших крестьян, его не слышали. Обида жгла

его. Тогда он поддержал князей, призвал их "бить, душить, колоть восставших тайно и открыто, как поступают с бешеными собаками". Всё обернулось большой кровью. Сто тысяч человек погибло. Великий гуманист Эразм Роттердамский упрекал Лютера: "Крестьяне поверили тебе, а ты их предал!" Крестьянская война "перепыхала" Лютера: "Я доньше думал, что можно управлять людьми по Евангелию. Но теперь я понял, что люди презирают Евангелие; чтобы ими управлять, нужен государственный закон, меч и насилие".

От бунтарства к проповеди послушания

В целом учение Лютера привело к "заземлению" религии. Бунтарство против Папы соединилось у Лютера с проповедью долга и нравственности. Лютеранство рассматривает мирскую деятельность человека как служение Богу. Католики, призывая служить Господу, убеждают в необходимости отвернуться от земного. Лютер утверждает противоположное: не в бегстве от мира, а в земной жизни человек должен искать спасения, но для этого его жизнь должна быть нравственной. Само по себе прекрасное утверждение, но проблема в том, что считать нравственным?

Долг немца, учит Лютер, есть послушание, в нем – добродетель, а сама добродетель и есть благодать Божия. Такова была мораль, которую он завещал немцам и которой они следовали несколько веков, что способствовало улучшению нравов.

Специфически немецкие понятия долга (*Pflicht*) и нравственности (*Sittlichkeit*) не поддаются точному переводу на другой, в том числе и русский язык. Добросовестно исполненный долг (*Pflicht*) – это и есть, согласно Лютеру, добродетель (*Sittlichkeit*).

Внутренней свободе, о которой Лютер говорил поначалу, он с годами противопоставил непоколебимый порядок вещей, установленный в мире Богом. Долг послушания выходит на первый план, христианин должен быть покорным и преданным подданным. Глава Реформации внушал немцам безусловную покорность государю, существующим законам, необходимость соблюдения порядка. Позиция Лютера однозначна: народ нужно держать в узде. Вот откуда растет знаменитый немецкий порядок – *Ordnung*! Со времени Лютера послушание стало национальной добродетелью. Дух Реформации радикально повлиял на образ жизни и образ мысли немцев. *Великий парадокс* состоит в том, что человек, провозгласивший полную свободу христианина в обращении к Богу, духовно обуздал немецкую нацию, поставив ее под авторитарное ярмо.

Через 250 лет после Реформации великий немецкий философ Иммануил Кант, этические представления которого близки учению Лютера, записывает: "Среди всех цивилизованных народов немцы легче и проще всех поддаются управлению; они противники новшеств и сопротивления установленному порядку вещей".

Ницше усматривал негативные последствия Реформации в "обмелении европейского духа". Французская писательница мадам де Сталь, хотя и была настроена пронемецки, тоже писала, что "современные немцы лишены того, что можно назвать силой характера. Как частные лица, отцы семейства, администраторы, они обладают добродетелью и цельностью натуры, но их непринужденная и искренняя готовность служить власти ранит сердце..." Она говорила об их "почтении к власти и умилении страхом, превращающим это почтение в восхищение". Почтение к власти, переходящее в восхищение, – это сказано метко и сильно. Тот, кто читал роман Генриха Манна "Верноподданный", поймет, что имела в виду французская писательница. Она подметила эту немецкую национальную черту – обожествление власти и *верноподданничество* – еще в начале XIX века. Генрих Манн написал свой роман в 1914 году, т.е. спустя столетие. Итак, лютеровский завет продолжал безотказно действовать, по крайней мере, до 1945 года, когда нацистская Германия потерпела крах. Томас Манн утверждал, что немецкая интеллигенция вплоть до Первой мировой войны воспитывалась на Лютере. Как у всякой

медали, и у этой оказалось две стороны. В условиях нацизма удушающие требования подчинения, долга, доведенные до абсурда, связали руки значительной части немецкой культурной элиты и мешали сопротивлению преступной, поистине сатанинской власти. Великий реформатор оставил на века свою печать на значительной части немецкого народа, такова была сила его личности! Однако за всё приходится платить. И немцы заплатили (и продолжают платить до сих пор!), но от Лютера не отреклись. Их любимая присказка: "Кто умеет подчиняться, тот и сам может стать господином".

Немцы гордятся своей работоспособностью, организованностью, дисциплиной, опрятностью и пунктуальностью. Ведь из этого складывается порядок (*Ordnung*), который вмещает в себя не только такие понятия, как чистоплотность, организованность, но и корректность, пристойность и множество других замечательных вещей. Ни одна фраза не греет так сердце немца, как "*alles in Ordnung*", означающая, что всё в порядке, всё так, как и должно быть. Категорический императив, который чтит каждый немец, звучит так: "*Ordnung muss sein*", – что, по смыслу, означает: "Порядок превыше всего". И всё это восходит к заповедям протестантизма, они лежат в основе жизни бюргеров (граждан). Очень важно, что эти заповеди стали претворять в жизнь власть предрежащие – *фюрсты* северных земель. А Фридрих Великий создал в Пруссии жесточайшую бюрократию, и вот уже вся Европа зауважала прусский порядок.

А вот мнение Гейне: "Протестантство оказало самое благое влияние, способствуя той чистоте нравов и той строгости в исполнении долга, которую мы обычно называем моралью".

Лютер осудил роскошь и приучил свою паству к скромности. Если сравнить католические храмы и протестантские кирхи, сразу можно почувствовать разницу. У русского поэта Фёдора Тютчева, долго находившегося в Германии на дипломатической службе, есть такие стихи:

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Создатель национального языка

Что касается заслуг Лютера, то не следует забывать, что он дал своему народу главное – современный язык. Он дал его вместе с Библией, над переводом которой работал долгих двенадцать лет. Ведь до него языком церкви и образованных людей, в том числе гуманистов, был латинский, который народ не понимал. Работая над переводом Библии, Лютер продемонстрировал поразительное чувство языка. "Все выражения и обороты, принятые в Библии Лютера, – немецкие, и писатель всё еще может употреблять их и в наше время", – свидетельствовал в середине XIX века Генрих Гейне. Шедевром немецкой прозы называет Ницше Библию великого проповедника Лютера: "Она выросла в немецкие сердца". Лютер наставлял учиться родному языку "у матери в доме, у детей на улице, у простолюдина на рынке и смотреть им в рот, как они говорят, и сообразно с этим переводить, тогда они уразумеют и заметят, что с ними говорят по-немецки". Народное красноречие явственно и в его проповедях, посланиях и памфлетах. Опираясь на традицию народных песен, Лютер создавал религиозные гимны и псалмы. Он любил музыку, и песни его были мелодичны. Он сочинил лютеранский церковный гимн "Наш Бог – нерушимая крепость", который называют Марсельезой Реформации. Любопытно, что романтик Новалис в своем трактате "Христианство и Европа" назвал переворот, совершенный Лютером, *филологическим*. "Переписав Библию и песнопения, он решительно изменил содержание христианства". Роль Лютера в развитии немецкого языка можно уподобить роли

Ломоносова и Пушкина в создании русского литературного языка. Томас Манн поставил имя Лютера рядом с именем Гёте, называя обоих великими творцами родного языка.

Самый большой и самый немецкий человек Германии

Лютер – фигура неоднозначная. Гейне, пытаясь определить значение Лютера для немцев, для истории, отмечал его сложность, но главное, на что он указал: Лютер – не только самый *большой*, но и *самый немецкий* человек в истории Германии, что в его натуре грандиозно сочетались все добродетели и все недостатки немцев. Эта характеристика объяснит нам многое и в немецком менталитете, потому прошу обратить на нее внимание. Гейне точно обрисовал двойственный характер лютеровской натуры: “Он обладал качествами, сочетание которых крайне редко и которые обыкновенно представляются нам враждебно противоположными. Он был одновременно мечтательным мистиком и человеком практического действия. У его мыслей были не только крылья, но и руки. Он говорил и действовал. Это был не только язык, но и меч своего времени. Это был одновременно и холодный схоластический буквоед, и восторженный, упоенный Божеством пророк. [...] Этот человек, который мог ругаться, как торговка рыбой, мог быть и мягким, как нежная девушка. Временами он неистовствовал, как буря, вырывающая с корнем дубы, потом вновь становился кротким. Он был исполнен трепетнейшего страха Божьего, полон самопожертвования во славу Святого Духа. Он способен был погрузиться в область чистой духовности; и, однако, он очень хорошо знал прелести жизни сей и умел их ценить, и с уст его слетело чудесное изречение: „Кто к вину, женщинам и песням не тянется, на всю жизнь дураком останется“. [...] В нем было нечто первозданное, непостижимое, чудодейственное, что мы встречаем у всех избранников, нечто наивно-ужасное, нечто нескладно-умное, нечто возвышенно-ограниченное, *нечто неодолимо-демоническое*” (курсив мой. – Г. И.).

Гейне связывает с деяниями Лютера начало новой эпохи в Германии: Реформация нанесла смертельный удар по феодальной системе. Лютер отделил Церковь от государства. Гёте, критически настроенный по отношению к Церкви и высшему духовенству, тем не менее, счел необходимым указать на долг Германии Лютеру. Незадолго до своей кончины в разговоре с Эккерманом он заметил, что еще не все поняли, сколь многим они обязаны Лютеру. “Мы сбросили оковы духовной ограниченности, благодаря нашей всё растущей культуре смогли вернуться к первоисточкам и постигнуть христианство во всей его чистоте. Мы снова обрели мужество твердо стоять на Божьей земле и чувствовать себя людьми, взысканными Господом”. Осуждая убогое протестантское сектантство, он призывает протестантов и католиков отдаться во власть “великого просветительского движения, движения времени”, подчиниться ему, а оно должно привести к единению. И тогда “мы мало-помалу от христианства слова и верования перейдем к христианству убеждений и поступков”.

Гейне, как и Гёте, испытывал к Лютеру благодарное чувство. Нигде и никогда не упоминает он о юдофобии отца Реформации. Между тем в двухтомной “Истории антисемитизма” Льва Полякова (перевод на русский язык появился в 1997 году) Лютеру отведено “почетное” место. В глазах современного еврейства он – враг богоизбранного народа.

Предполагать, что Гейне не были известны антиеврейские памфлеты Лютера, нелепо. Он знал о них, хотя в середине XIX века их не цитировали. Они вообще не имели широкого хождения ни в XVII-м, ни в XVIII-м веках. Скорее всего, он их просто не читал, как не читал он, думается, “Аугсбургское вероисповедание”, ему вполне хватало лютеровых “Застольных бесед”. Хотя он находится в Париже, он не отделяет себя от Германии, и потому в его устах совершенно естественно звучат признания, касающиеся Лютера: “Нам не пристало жаловаться на ограниченность его взглядов. [...] Еще менее пристало нам изрекать суровый приговор о его недостатках; эти недостатки принесли нам больше пользы, чем добродетели тысячи других”.

В 30-е годы XIX столетия еврей Гейне мог отпустить Лютеру его грехи. Спустя сто с лишним лет сделать это уже невозможно. Исторический опыт, память о Холокосте не позволяют.

Ректор кёльнской теологической академии имени Меланхтона г-н Марквардт, узнав, что я пишу о Лютере, стал отговаривать меня и советовал заняться Меланхтоном, который был необычайно мягким и благородным человеком. Ближайший друг и сподвижник Лютера, он всю жизнь был преданным учеником Эразма Роттердамского, человека всеобъемлющего духа. Как личность он мне глубоко симпатичен и близок. Но я задала своему оппоненту вопрос: "Положа руку на сердце, признайтесь, смог ли бы Меланхтон осуществить Реформацию?" И в ответ на его молчание высказала свое мнение: "Нет, такое по плечу было лишь неукротимому Лютеру!"

В сослагательном наклонении об исторических событиях не говорят. Что толку задаваться вопросом, как бы пошло развитие Европы и Германии, если бы в споре Лютера и Эразма победил умеренный, считавший себя гражданином мира Эразм? Победа Лютера была неизбежна не только из-за его чувственной мощи, из-за его неистовой ярости, которой были наделены все настоящие герои, начиная с гомеровского Ахилла. Как справедливо заметил Стефан Цвейг, Лютера "переполняет и распирает мощь и буйство целого народа".

Цвейг писал книгу о бесконечно дорогом ему Эразме, но в ней он сложил гимн его противнику-победителю – Лютеру, а главное, объяснил, почему именно он возглавил Реформацию. "Он мыслит, инстинктивно ориентируясь на массу, воплощая ее волю, взведенную до высшего накала страсти. С ним в сознание мира прорывается всё немецкое, все протестантские и бунтарские немецкие инстинкты, а поскольку нация принимает его идеи, он сам входит в историю своей нации. Он возвращает стихии свою стихийную силу". Написано это было в 1935 году, когда стихийность и фанатизм Лютера оказались востребованными. Нацисты умело манипулировали массовым сознанием, используя ту часть наследия Лютера, которую они смогли приспособить для своих целей.

И закончить это эссе я хочу напоминанием о том, что Крестьянской войной, вдохновленной идеями Лютера, борьба за веру не ограничилась. В 1618 году началась кровопролитная тридцатилетняя религиозная война между католическими и протестантскими князьями, для немцев это была война братоубийственная. Представьте – 30 лет! Война стала общеевропейской, в ней участвовали Франция, Дания и Швеция. Германия оказалась ареной военных действий, а потому более всех пострадала: треть ее населения погибла, многие земли были разорены, политикоэкономическое развитие затормозилось на два столетия. Страшную в своей выразительности картину бедствия создал поэт Мартин Опиц (1597–1639).

Прошелся по стране – от края и до края —
Безумный меч войны. Позорно умирая,
Хрипит Германия. Огонь ее заглох.
На рейнских берегах растет чертополох.
Смерть перекрыла путь к дунайскому верховью.
И Эльба, черною окрашенная кровью,
Остановила бег своих угрюмых вод.

Ему вторит Андреас Грифиус. Он нашел емкую формулу страшного времени и вынес ее в название сонета "Слезы Отечества, год 1636":

Мы все еще в беде. Нам боль сердца буравит.
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч,
Враг жрет наш хлеб, наш труд, свой суд неправый правит,
Враг наши церкви жжет. Враг нашу веру травит.

Германия дорогой ценой заплатила за религиозную распрю. Более ста лет она залечивала раны. А слезы Отечества вновь прольются три века спустя.

Общественные нравы и *Ordnung* в государстве подвержены изменениям в гораздо большей мере, нежели менталитет народа. Немало дельных суждений о немцах и их менталитете читатель найдет в эссе, посвященном Гёте. Что касается немецкого *Ordnung*'а, то он рушится на глазах. Из наших современников первым об этом высказался немец Тило Саррацин, за что был подвергнут остракизму.

2. Бисмарк как социальный реформатор

Тот, кого немцы называли Железным канцлером, родился 200 лет назад. Подобно Наполеону и Черчиллю, Отто фон Бисмарк (1815–1898) стал легендой еще при жизни. Первый рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890 гг., он осуществил объединение страны на прусско-милитаристской основе. Он ковал мощь Рейха, и его часто изображали у наковальни в виде молотобойца.

В боевой кипучей буче истории

”Было бы зазнайством с моей стороны утверждать, что я предвидел и подготовил ход истории. Историю вообще нельзя делать, но из нее всегда можно научиться тому, как следует руководить политической жизнью большого народа в соответствии с его развитием и его историческим предназначением” – к этому выводу он пришел в конце пути. А что же этому предшествовало?

Проведя за семь лет три быстрых победоносных войны (с Данией – 1864, Австрией – 1866, Францией – 1870–71), которые помогли ему укрепить его детище, Бисмарк внушал страх и ненависть многим европейским государям как ”завоеватель”. Осуществляя в 1866 году одну из своих первых реформ – военную, он заявил в ландтаге: ”Великие вопросы времени будут решаться не речами и резолюциями, но железом и кровью”. И он создал мощную армию, определив ее цель – *защита отечества*. При этом он никогда не затевал войн ради завоеваний. Будучи имперским канцлером, Бисмарк сохранял в Европе мир. Уходя из жизни, он завещал молодому императору союз, а не войну с Россией, но его уже не слышали...

Прусский юнкер, человек правых взглядов, националист, Бисмарк вошел в политику, когда Германия переживала революцию 1848 года, а Карл Маркс возвестил, явно пугая: ”Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма!” В Германии, успешно продвигавшейся по пути индустриализации, идеи социализма начали овладевать умами. В Рейхстаге партия национал-либералов, основанная Эдуардом Ласкером, имела значительный вес. Умело лавируя между классово близким юнкерством и набиравшей силу буржуазией, Бисмарк сумел расположить к себе национал-либералов, и в 1866–1878 гг. их партия активно поддерживала канцлера Бисмарка. Еще будучи министром-президентом Пруссии, Бисмарк чутко реагировал на перемены в общественной жизни. Когда в 1863 году Фердинанд Лассаль организовал в Лейпциге Всеобщий германский рабочий союз (основу будущей СДПГ, точнее, ее правого крыла), Бисмарк вступил с ним в переписку, в течение двух лет состоялось несколько их встреч. Мысли Лассаля о социальном государстве и необходимости всеобщего избирательного права не оставили Бисмарка равнодушным. Он сам еще до конца 1863 года выступил с инициативой по созданию профсоюзов и высказался за ограничение детского труда на производстве, т.е. о необходимости социальных подвижек он задумывался уже тогда. Всеобщее избирательное право Бисмарк ввел в 1867 году, после гибели Лассаля.

Объединив германские земли (вначале он создал Северный Германский союз, куда вошло около 30 земель, а в 1870 году, после присоединения к нему южногерманских земель, – Единый Германский союз) и став отцом нации, Бисмарк превратил старого Вильгельма, короля Пруссии, в императора Германии. 18 марта 1848 года Вильгельм бежал из Берлина от революции. 17 марта 1871 года он триумфально въехал в Берлин как император. 28 лет Бисмарк правил страной. При этом во внешней политике он был самым гибким дипломатом. Никто, как Бисмарк, не умел так использовать прессу, чтобы манипулировать общественным сознанием. Но если нужно было ее прижать, он не церемонился. При этом как ненависть, так и рукоплескания современников были ему безразличны, а почести в виде памятников даже неприятны,

в чем он признался публично: "Я не знаю, какое должен сделать лицо, когда буду проходить мимо своей статуи в Кёльне... В Киссингене моим прогулкам мешает то, что я стою рядом с самим собой в виде некой окаменелости". Памятник канцлеру в Бад-Киссингене горожане установили в 1877 году.

Бисмарк в Бад-Киссингене

В Бад-Киссингене, небольшом уютном городке во Франконии (северная Бавария) Бисмарк по состоянию здоровья был вынужден бывать часто. Следует заметить, что курорт этот пользовался тогда большой известностью: его посещали королевские особы, дважды побывал там Лев Толстой, бывали упоительный Джакомо Россини, Рихард Штраус, наши композиторы Глинка и Глазунов и многие немецкие творческие знаменитости. В свой первый приезд сюда Бисмарк остановился в доме Дируфа (ныне отель *Kissinger Hof*), в двух шагах от павильона минеральных вод, места "тусовки" жаждущих исцеления почечников, печеночников и прочих язвенников-трезвенников.

Именно здесь 15 июля 1874 года и произошло второе покушение на его жизнь. Оно стало ответом на реформу образования, которую он осуществил в 1873 году. Она вызвала резкое противодействие католической церкви, ибо школы были отделены от церкви, государство прекратило ее финансирование, был введен гражданский брак, а иезуитам было предложено покинуть Германию. И вот некий Франц Кульманн, представитель католической партии "Центр" из Магдебурга, вовсе не безумец, как утверждали некоторые газеты, приехал в курортный городок с намерением убить Бисмарка. Но "железный канцлер" оказался и впрямь неуязвимым. В тот же вечер он нашел в себе силы и вышел на балкон, чтобы поприветствовать и успокоить толпившуюся перед домом публику, дав понять, что ранение несерьезное. Этот прискорбный инцидент канцлер использовал себе на пользу в политической борьбе. Не отвратил он Бисмарка и от Бад-Киссингена.

Поскольку его здоровье требовало продолжительного присутствия на курорте, канцлеру были показаны минеральные ванны, вода, а главное – воздух подле градирни (*Saline*), он поселился у Верхней солеварни в бывшей резиденции князя-епископа Фридриха, который построил ее для своих нужд еще в середине XVIII века. Она расположена в двух с половиной километрах от бювета. Хорошо сохранившийся дом в стиле *Ренессанс* с двумя симметричными крыльями стоит на берегу реки Заале, которая стремится свои воды в Майн.

Поскольку Бисмарк провел в этом доме с 1876-го по 1893 год свыше шестидесяти недель, в нем были установлены телеграфные аппараты, посредством которых осуществлялась бесперебойная связь канцлера с кайзером, правительством и миром. Здесь диктовал он сыну Герберту, которого надеялся видеть преемником и посвящал в тайны политики и дипломатии, свой знаменитый "Киссингенский диктат" (1877), содержащий его максимизаповеди касательно внешней политики Германии. Внешние угрозы поначалу беспокоили его больше, нежели внутренние. "Кошмар коалиций" его преследовал. Он опасался, что Франция в случае реванша постарается объединиться с Россией, к сближению с которой он сам постоянно стремился. Подозревал он и Англию, и Австрию в тайных враждебных намерениях.

Здесь, в Бад-Киссингене, обдумывались и отрабатывались документы, которые получают название "социальных законов Бисмарка". Здесь он встретит свое 70-летие.

Политика кнута и пряника

В 1878 году, после двух покушений на жизнь престарелого императора Вильгельма, Бисмарк запрещает социал-демократическую партию, ее митинги и печать. "Исключительный закон против социалистов" будет действовать до 1890 года. Порвав с либералами, Бисмарк

отныне полагается на крупных землевладельцев, промышленников, на верхушку офицерского и чиновничьего корпусов. Но при этом воинствующий консерватор понимает, что социальные реформы необходимы, и начинает действовать. В конце 1881 года он подготовил от имени кайзера "Обращение о правах рабочих на социальную защиту".

В 1883 году Бисмарк проводит через Рейхстаг закон о медицинском страховании на случай болезни. Его действие распространяется на рабочих и служащих, чей заработок не превышает 6,6 марок в день, в случае профессиональной болезни или травмы. Пособие по болезни выплачивалось с третьего дня максимум 13 недель.

В 1894 году появляется еще один закон о страховании от несчастных случаев рабочих и служащих с годовым доходом не более 2000 марок. Лечение могло продолжаться 14 недель, после чего в случае нетрудоспособности человек получал инвалидность. Размер пенсии инвалида равнялся 2/3 его заработка. В случае смерти кормильца его семья получала пенсию до 60% его зарплаты.

Наконец, в 1889 году последовал закон о страховании по старости. Страховой фонд создавали предприниматели, рабочие и государство в равных долях. Стоит заметить, что к работе над проектами законов о социальном страховании Бисмарк привлек своего многолетнего советника Лотара Бухера, настолько близкого друга Лассалья, что именно ему покойный завещал все свои сочинения.

Меры трудового страхования, предложенные Бисмарком, намного превзошли те, что были приняты в других индустриальных странах. "Социальные законы" Бисмарка стали основополагающими для немецкого государства. Цель принятия этих законов сам "железный канцлер" объяснил так: "Моя идея состояла в том, чтобы подкупить рабочий класс, или, точнее, завоевать его поддержку, добиться, чтобы он воспринимал государство как социальный институт, существующий ради рабочих и заинтересованный в их благосостоянии". Не будем спешить с обвинениями Бисмарка в цинизме. В конечном итоге, закладывая основы "патерналистского государства", он предложил свои альтернативы как марксистскому социализму, так и классическому либерализму.

Марширующие под барабан Бисмарка

В 1907 году английский социал-реформатор Уильям Беверидж отправился в Германию, чтобы на месте изучить практику социальной политики Бисмарка. Призрак коммунизма пугал европейских властителей не на шутку. Англичане тоже хотели добиться лояльности рабочего класса. В 1911 году в Англии с подачи Бевериджа были приняты законы по социальному страхованию, над разработкой которых работали Ллойд Джордж и Уинстон Черчилль. Со временем их скопировали по всей Европе.

В России Витте и Столыпин тоже поняли, что бороться с революционерами одними репрессиями невозможно, и готовили соответствующие реформы. Не успели...

В 1915 году американец Фредерик Хоу, восхищавшийся немецким государством "всеобщего благосостояния", в книге "Социологизированная Германия (*Frederic Howe. "Socialized Germany"*) дал такую характеристику этой системы: "Государство „держит руку на пульсе рабочего“ с колыбели и до смерти. Его образование, его здоровье, его трудоспособность становятся предметом постоянной заботы властей. Фабричные законы и нормы тщательнейшим образом оберегают его от несчастных случаев. Его рукам и уму помогают обрести необходимые навыки, чтобы он стал хорошим работником, он получает страховку от несчастных случаев, болезней и пенсию по старости. Если у рабочего нет жилья, ему предоставляют крышу над головой, чтобы он не пополнил ряды бродяг". Да, при таком раскладе индивид существует для государства, а не государство для индивида. Но это не означает утраты свободы. "Напротив, – пишет Хоу, – немцы пользуются куда большей свободой, чем американцы и англичане. Эта свобода – эко-

номического толка. Она защищает беззащитные классы от эксплуатации и злоупотребления. Она оберегает слабых”.

Медленно, но верно немецкая концепция управления и ”государства всеобщего благосостояния” утверждалась и в конце концов победила на другом берегу Атлантики – в США. Потому сегодня американец Ричард Эбелинг дал своей статье о происхождении современного государства ”всеобщего благосостояния” многоговорящее название: ”Маршируя под барабан Бисмарка”.

В музее Бисмарка в Бад-Киссингене

Как это ни странно, но никаких подробностей о социальных реформах я не нашла в объемистых биографиях Бисмарка ни у Эмиля Людвига, ни у Алвера Палмера. Зато в сравнительно недавно открывшемся Музее Бисмарка в Бад-Киссингене обнаружила целый клад документов по этому вопросу. Помимо мемориальных комнат (огромный зал, где Бисмарк принимал государственных и политических деятелей, дипломатов; рабочий кабинет, где он часами работал сам или со своим сыном Гербертом; спальня, которую он делил с горячо любимой супругой), где мебель в стиле *бидермейер* – это всё подлинные вещи, окружавшие Бисмарка во время его пребывания в этом доме, четыре зала знакомят посетителей с тем, чем были заполнены дни Бисмарка в Бад-Киссингене. Один из залов полностью посвящен Бисмаркуреформатору. Интересовавшие меня документы представлены, разумеется, в копиях, много фотоматериалов.

В первый год после открытия музея посетитель мог получить копию газеты *Kissinger Saale Zeitung*, вышедшую в день покушения на рейхсканцлера и подробно рассказывающую об этом инциденте. Правда, вручение копий традицией не стало, и сегодня газета хранится в витрине. В музее демонстрируется множество телеграмм, присланных сюда со всего мира по случаю семидесятилетия хозяина. Вчитываясь и вглядываясь в материалы экспозиции (высокая культура экспонирования, присущая немецким музеям, и здесь радует посетителей), начинаешь воспринимать Бад-Киссинген по-новому. Оказывается, этот город наряду с Берлином более других был причастен к большой политике. Сейчас жизнь вернулась на круги своя, но город помнит того, кому он обязан своей широчайшей известностью.

Не слишком любимый при жизни (он и сам любил немногих), ненавидимый многими противниками, Бисмарк был страстным борцом, даже в ослеплении оставаясь гением. Томас Манн написал перед кончиной эссе, которое назвал ”Три гения” (1949). Последним в этом ряду стоит Бисмарк. Его предшественники – Лютер и Гёте. Завидное соседство.

3. Какой социализм подарила миру Германия

Социализм, похоронивший либерализм и ставший властителем дум сторонников прогресса, – одно из наиболее влиятельных политических движений нового и новейшего времени. Он возник не в Германии, но именно здесь его идеи были усовершенствованы. Германия в последней четверти XIX-го и в первой четверти XX-го веков по уровню развития теории и практики социализма оказалась далеко впереди. Сегодня социализму посвящены тысячи исследований. Наша статья – лишь повод напомнить о его родословной, его разновидностях, поразмышлять об их природе.

Золотые и позолоченные сны человечества

Идеи социальной справедливости и равенства родились на заре человечества. Философ далекой античности Платон предложил первый проект их реализации в "Государстве" и "Законе". Тотчас нашлись сомневающиеся. Насмешник Аристофан в "Законодательницах" пародирует Платона: "Утверждаю: всё сделаться общим должно, / И во всем пусть участвует каждый. / Мы общественной сделаем землю, / Всю – для всех, все плоды, что растут на земле, / Всё, чем собственник каждый владеет..." Что взять с комедиографа: жанр-то низкий!

Проходит два тысячелетия, и английский государственный деятель и писатель Томас Мор под влиянием Платона пишет "Утопию" (1516), рисует фантастическое государство, где нет частной собственности, денег, где царит полное равенство, а труд обязателен для всех. В переводе с греческого "утопия" – "несуществующее место". Как тут не вспомнить Беранже: "Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой!"

Веком позже монах-доминиканец Томмазо Кампанелла, философ и поэт, находясь почти 30 лет в тюремном заточении, пишет коммунистическую утопию "Город солнца". Город во власти тоталитаризма. Семья упразднена. Особое управление подбирает половозрелым мужчинам подходящих самок, дети после рождения обобществляются, из них выковывают новых граждан. Что сказать?! Оруэлл просто отдыхает.

Во имя Царства Божия на земле народно-утопический идеолог Томас Мюнцер возглавил Крестьянскую войну в Германии (1524–1526), что стоило ему жизни, и было пролито много крови его соотечественников.

Утопический социализм XIX столетия

Одним из важных последствий Французской революции конца XVIII века был всплеск интереса к идеям социализма. Сен-Симон и Фурье во Франции, фабрикант-благотворитель Роберт Оуэн в Англии – главные теоретики утопического социализма. В основе их учений лежали идеи полного равенства и уничтожения религии, семьи и частной собственности. Попытки их реализации привели к созданию множества общин по типу коммун, или фаланг, как их называл Фурье, в основном на диких землях Северной Америки, заманчиво представленных Шатобрианом в романтической повести "Атала". Все коммуны вскоре приказали долго жить, и сенсимонизм к 1830-м годам сошел на нет. Из всех утопистов лишь Фурье обладал системным мышлением и был чужд религиозного мистицизма. Его здравомыслие в критике капиталистического общественного строя отмечал Маркс.

Плохо переваренные истины французских утопистов составили основу немецкого "истинного социализма". Отрицая капиталистический путь Англии как негодный для Германии, "истинные социалисты" делали ставку на мелких буржуа и тяготели к социальному урав-

нительству. Сокрушительную критику этих тенденций находим в сатирической поэме Гейне "Атта Троль": "Единенье! Единенье! / Свергнем власть монополиста, / Установим в мире царство / Справедливости звериной. // Основным его законом / Будет равенство и братство / Божьих тварей, без различья / Веры, запаха и шкуры. // Равенство во всем! Министром / Может стать любой осел. / Лев на мельницу с мешками / Скромно затрусит в упряжке..." Таковы приметы "пещерного социализма". В 1840-е годы он был популярен в Германии.

Предшественники-наставники

Термин "социализм" был введен в оборот в 1834 году гениальным, по определению Энгельса, Пьером Леру в книге "Индивидуализм и социализм", в которой был поставлен, но не развит коренной вопрос о несовместимости свободы личности и социализма. Социалисты-утописты о свободе вообще не упоминали, знаменем свободы стали размахивать социалисты позднего призыва, они привлекали обещаниями "новой свободы". Пришествие социализма должно было стать "скачком из царства необходимости в царство свободы".

Леру был сторонником социального либерализма, под социализмом понимал социальное реформаторство. Молодой Маркс встречался с Леру и прислушивался к нему, но пошел своим путем. Ленин и слышать о нем не хотел.

У истоков социалистического движения в Германии стоит Мозес Гесс, он же – провозвестник социал-сионизма. Гесс утверждал: "Небесное Царство может быть достигнуто на Земле через революционный социализм". Он – автор базовых постулатов марксизма. Маркс назвал Гесса своим "коммунистическим ребе". Гесс пригласил Маркса в 1842-м в Кёльн в "Рейнскую газету" и вскоре сделал главным редактором. Называя себя "этическим социалистом" (опирался на этику Л. Фейербаха) и будучи сторонником социального либерализма, он, тем не менее, поддерживал Маркса в 1846–1851 гг., разделяя его положения о приоритете классовой борьбы. "Красный флаг символизирует социалистическую революцию, это – моя революция". Но уже в главном труде "Рим и Иерусалим" Гесс на первый план выдвинул расовую, а не классовую борьбу. Гесс был дружен со многими "истинными социалистами". С 1863-го он поддерживал Лассалья.

Развитие социализма от утопии к науке – так называлась работа Энгельса, вышедшая в начале 1880-х годов. А начиналось всё в 1848-м, когда Маркс и Энгельс опубликовали "Манифест коммунистической партии". Его первая строка напоминала зачин готического романа ужасов: "Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма". Ужасы пришлось пережить нам, гражданам страны "победившего социализма" (термин Сталина). Европа забурилась позже.

Основу "Манифеста" подготовил Энгельс, познакомившийся в Манчестере с положением и даже бытом рабочего класса. Маркс выковывал свои взгляды в полемике с младогегельянами, "истинными социалистами", с Прудоном (на его книгу "Философия нищеты" Маркс ответил "Нищетой философии"), с анархистами (с их лидером Бакуниным, как и с Прудоном, он познакомился в Париже).

В "Манифесте" утверждалось: "Среднее сословие: мелкие промышленники, мелкие торговцы, ремесленники и крестьяне – все они не революционны, а консервативны. Даже более того, все они реакционны, они стремятся повернуть колесо истории назад". Носителем высокой всемирно-исторической миссии, а именно – "могильщиком капитализма" был объявлен пролетариат. Он – гегемон революции, а революции – локомотивы истории. "Манифест" заканчивался известным призывом: "Пролетарии всех стран, объединяйтесь!"

Маркс учил: пролетарии не имеют отечества. По его инициативе в 1864 г. был основан Первый Интернационал, центр объединения всемирной армии труда.

"Научный социализм", по Энгельсу и Марксу, это теория, базирующаяся на таких открытиях Маркса, как материалистическое понимание истории, теория прибавочной стоимости и

теория классовой борьбы. Эпитет "научный" указывает на то, что это система теоретических воззрений. В "Критике Готской программы" Лассалья Маркс говорит о двух фазах коммунизма – низшей и высшей, и при этом не называет первую социализмом.

В то время как многие идеи Маркса оказались хотя и грандиозными, но и провальными, его концепция человека как субъекта истории осталась непоколебимой.

"Научный социализм, – пишет Энгельс, – представляет собой в существенной части немецкий продукт и мог возникнуть только у нации, классическая философия которой сохранила живую традицию сознательной диалектики, т.е. в Германии". Но, стоит напомнить, что марксизм – плод сочетания немецкой философии, французской истории и английской экономики. Иначе говоря, научный социализм не возник на пустом месте и внезапно, как Минерва из головы Юпитера.

Фердинанд Лассаль и социал-демократия Германии

После поражения революций в Европе 1848 году социализм перешел на нелегальное положение. Классики марксизма зрелые годы провели за пределами своей родины. Лишь в 1862 г. Лассаль, ученик Маркса (разделял взгляд учителя на миссию пролетариата), снова поднял социалистическое знамя в Германии. Социализм Лассалья был очень умеренный. Его требования свелись к организации кооперативных производственных ассоциаций, идею которых он позаимствовал у Прудона и Луи Блана. Блестящий оратор, он много общался с рабочими, и ему удалось вызвать массовое рабочее движение в Германии. В 1863 г. им был создан "Всеобщий германский рабочий союз". Его считают отцом социалдемократии.

После его смерти (1864) в Рейхстаге заседали депутаты от двух социалистических фракций: лассальянцы и "эйзенахцы" во главе с Вильгельмом Либкнехтом и Августом Бебелем, которых позже станет поддерживать Энгельс. В 1875 году фракции объединились. Но Бисмарк в 1878 г. поставил немецкий социализм вне закона на 11 лет. Тем не менее число голосов, подаваемых за социалистов, росло: в 1871 году – 101.927, в 1890 – 1.427.298, а главное – молодежь пошла за ними, что сильнее всего сказалось в армии, куда призывали с 20 лет. Привычный прусский дух был там вытеснен социалистическим.

Смена караула

Марксизм стал к началу XX века органической частью интеллектуальной жизни. Появилось множество разновидностей социалистических партий, но общее понимание социализма складывалось под влиянием марксизма. В эту пору на авансцене Германии появляются новые лидеры социализма: Карл Каутский, Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Эдуард Бернштейн.

Каутский – ортодоксальный марксист и "рenegат"

Каутский, с которым Энгельс под старость был дружен, стал лидером и самым выдающимся теоретиком германской социалдемократии. После смерти Маркса (1883) Каутский выпускает работу "Экономическое учение Карла Маркса" (1887), в которой популярно, но при этом упрощенно излагает положения "Капитала" (даже сам Энгельс, разбирая рукописи и готовя "Капитал" к изданию, признавался, что мало что понял). "Эрфуртская программа" Каутского (1891) стала бестселлером в Европе. Осип Мандельштам назвал ее "марксистскими Пропилеями". Основатель Второго Интернационала (1889–1918), Каутский выступил как против радикальных марксистов, так и против ревизии марксизма. В годы Первой мировой войны он проявил себя как пацифист. К "эксперименту" большевиков в России отнесся резко отри-

пательно, ответил на него работой "От демократии к государственному рабству" (1921), после чего Ленин его иначе как ренегатом не именовал. К тому же Каутский в 1918 году выступил против диктатуры пролетариата, в защиту демократии. Чем дальше, тем больше менялись его взгляды, ибо он шел в ногу со временем: полагал, что прогресс общества предопределен степенью развития науки и техники, рост которых сопровождается триумфальным шествием индивидуальной свободы. Он верил в перспективу мирного развития капитализма. "Ренегат", да и только!

Ревизионизм Эдуарда Бернштейна, или Бунт на корабле

Личный друг Энгельса, Бернштейн занял позицию на правом фланге германского социализма, выступал за пересмотр и обновление ортодоксального марксизма, считая, что в новых исторических условиях он не работает. Он подверг суровой критике как философское, так и экономическое учение Маркса. Его основные труды: "Проблемы социализма и задачи социал-демократии" (1899), "Эволюционный социализм" (1899), "Возможен ли научный социализм?" (1901). На вопрос, вынесенный в заглавие последнего своего труда, он отвечал отрицательно, а социализм определял как морально-этический идеал.

Бернштейн был противником революции и диктатуры пролетариата. "Осложнения экономической ситуации, которую предсказывал Маркс, не произошло, и скрывать это – безумие", тем более нет оснований говорить об усилении классовой борьбы. Он утверждал возможность мирного перехода к социализму, и основным средством введения социализма и формой его реализации считал демократию: "Демократия в принципе уничтожит господствующие классы, даже если она пока не в состоянии классы вообще упразднить. Демократия есть высшая школа компромисса". И тут же пояснял: "Компромисс – вовсе не свинский оппортунизм". Бернштейн отрицал положение Маркса о том, что пролетарии не имеют отечества, а потому и необходимость Интернационала. Жизнь, по его мнению, свидетельствует о том, что рабочие ведут себя как граждане тех государств, где они проживают. Ему принадлежит девиз: "Цель – ничто, движение – всё!"

"Весь мир насилия мы разрушим до основания..."

Лидеры лево-радикального движения в германской социалдемократии Роза Люксембург и Карл Либкнехт накануне окончания Первой мировой войны перешли к активным революционным действиям. Сторонники диктатуры пролетариата, они полагали, что в период краха империи рабочие, по примеру большевиков в России, смогут взять власть. "Социализм не упадет с неба, – убеждала пламенная Роза. – Его можно завоевать. Пролетариат должен взять судьбу в свои руки, встав к штурвалу социальной жизни!"

Однако Ноябрьская революция 1918-го в Германии привела к установлению парламентской демократии, известной как Веймарская республика. Леваки организовали антивоенный *Союз Спартака* и подняли в Киле мятеж матросов. На севере Германии под их влиянием стали возникать Советы солдатских и рабочих депутатов. Люксембург вместе с Либкнехтом вышли из СДПГ и создали Коммунистическую партию Германии. Они возглавили вооруженное восстание в Берлине в январе 1919-го, которое было подавлено. "Красную Розу" и Карла схватили и без суда и следствия зверски убили. Полуживую Розу сбросили в Ландвер-канал, утопили, по словам Бродского, "как погашенную папиросу". А была она пылающим факелом революции.

В Баварии Курт Эйсер, член партии отколовшихся от СДПГ Независимых социал-демократов, в ноябре 1918-го возглавил демонстрацию против монархии Виттельсбахов и объявил независимую Баварскую республику. В феврале он был застрелен монархистом на улице Мюнхена. Последующие волнения привели к созданию Баварской советской республики во главе

с Эрнстом Толлером. Она продержалась менее месяца и 1 июня 1919-го была разгромлена. С Ноябрьской революцией было покончено.

Национал-социализм, или Нацизм

В 1920-е годы в социалистическом движении Германии действует наряду с радикально-левым коммунизмом радикальноправый национал-социализм. Коммунисты-интернационалисты сулили рай на земле всему человечеству, национал-социалисты – рай для избранной арийской расы за счет всех других народов. Оба направления стремились к планомерной и тотальной организации сил общества, были едины и в том, что именно государство должно определять положение человека в обществе. История национал-социализма и большевизма показала, по словам английского философа Э. Геллнера, что "социализм в индустриальном обществе может быть только тоталитарным, а тоталитаризм – только социалистическим". Это же доказывал будущий нобелиат в области экономики Ф. А. Хайек в книге "Дорога к рабству" (1944).

Традиции германского национализма имеют долгую историю. Попытки романтиков второго призыва разбудить национальное самосознание немцев в пору нашествия Наполеона особого успеха не имели. На опасность национализма указал Гёте: "Нацией стать понапрасну надеетесь, глупые немцы. / Начали вы не с того – станьте сначала людьми". Испытывая "привязанность к делу человечества", Генрих Гейне всю жизнь сражался с тевтономанами всех мастей. Но национализм живуч. При объявлении Первой мировой войны Германию охватила настоящая национал-патриотическая истерия. Масла в огонь подлил социолог и экономист Вернер Зомбарт своей книгой "Торгаши и герои" (1915), в которой противопоставил отприродный "героизм" и порядок немцев "либеральному хаосу" и утилитаризму торгашей-англичан, этой "нации лавочников". Поражение в развязанной Германией войне обернулось не только материальными лишениями, но жгучей обидой. Именно на попранном чувстве национального достоинства сыграл Гитлер. Чтобы поднять униженную нацию над историей, он дал ей опору в виде идеи расового превосходства. Озлобленная мелкобуржуазная масса требовала решительных действий и охотно приняла нацистский культ силы.

Национал-социалисты поднялись к власти на спине мелкой буржуазии, составлявшей почти половину германского народа, самую отсталую и косную его часть, превратив ее в таран против рабочего класса и учреждений демократии. На смену "прогнившему индивидуализму" пришел "здоровый коллективизм". Ликвидированный парламентаризм уступил место "фюрерству".

В отличие от лидеров Веймарской республики, национализировавших 50% промышленности и погубившей ее некомпетентностью и насильственным планированием, Гитлер не покушался на собственность Круппа и ему подобных, но поставил под контроль государства и способствовал ее увеличению военными заказами.

Нацистская идеология опиралась на вульгарный социалдарвинизм (идеолог А. Розенберг следовал теории "естественного отбора") и на расистские теории француза Гобино и англичанина Чемберлена (кстати сказать, зятя Вагнера). По утверждению Гитлера, "главный источник силы народа – это не армия, а расовая чистота". На этой почве сложилась религия истинно немецкой крови. Краеугольным камнем национальной политики нацизма был антисемитизм, что обернулось Холокостом, всеسوждением евреев.

В Третьем рейхе (название подчеркивало преемственность имперских притязаний) был установлен контроль за всеми сферами общественной и частной жизни, для чего создан мощный репрессивный аппарат. В РСХА (ведомство безопасности Рейха) вошли СС, гестапо, СД. К концу войны через 1100 концлагерей прошли 18 миллионов человек, из них 12 миллионов погибли.

Хотя партия, которую с 1921 года возглавлял Гитлер, – NSDAP – называлась Национал-социалистической немецкой рабочей партией, это был камуфляж. Речь могла идти только о псевдосоциализме, ибо марксизм (как, впрочем, и либерализм) Гитлер ненавидел. Нацисты при этом охотно пользовались обычаями и ритуалами, введенными в практику социалистами. Идею политической партии, охватывающей все стороны жизни человека от колыбели до могилы, стремящейся руководить всеми его взглядами, первыми осуществили на практике социалисты. Мы все были пионерами, комсомольцами. А у нацистов был гитлерюгенд. У нас был ДОСААФ, у них – организация *KdF* (Сила через Радость), занимавшаяся массовой физкультурой, туризмом, экскурсиями. Унифицированную форму одежды и приветствия они тоже позаимствовали у социалистов. Ездили в Советскую Россию перенимать опыт создания концлагерей. Даже маршевые песни были общими. До сих пор спорят, кому принадлежит “Марш авиаторов”. Пели все.

На негативной программе, на ненависти к врагу, на зависти к тем, кому лучше живется, легче объединять “массу”, чем на конструктивной задаче. В стране победившего социализма уничтожались дворяне и буржуа, а затем в деревне – кулачество как класс, у нацистов – еврейство как главный враг арийской расы.

Старый принцип – кто не работает, то не ест – сменился новым: кто не повинуется, тот не ест. Так была раздавлена оппозиция вначале социалистами, затем нацистами. Получали материальные привилегии, “прикармливались” послушные и преданные.

До сих пор бытует ошибочное мнение, что весь немецкий народ оказался беспомощной жертвой Гитлера и его клики, захвативших власть путем мошенничества и вероломства. На самом деле, как пишет немецкий философ и психоаналитик Эрих Фромм в книге “Бегство от свободы” (1941), “в Германии миллионы отказались от своей свободы с таким же пылом, с каким их отцы боролись за нее; они не стремились к свободе, а искали способ от нее избавиться, другие миллионы были при этом безразличны и не считали, что за свободу стоит бороться и умирать”.

Чем всё завершилось, известно. Третий рейх бесславно ушел в небытие, чего нельзя сказать об идеях национал-социализма. Прошло несколько десятилетий, и рухнул Советский Союз, но идеи социализма живы.

Подводя итоги

Время не стоит на месте. По сравнению с временем Маркса оно не просто изменилось, ушла целая эпоха. Капитализм приобрел новые черты, обеспечившие его стабилизацию и прочность.

Создавая “Капитал”, Маркс искал в экономике закон, который докажет неотвратимость смены капиталистической системы коммунистической. Он его не нашел.

Требования Маркса ликвидировать частную собственность и свободную торговлю противоречат его собственному признанию, что предпосылкой для возникновения и развития всех наших демократических свобод было возникновение частного капитала и свободной торговли. И это не единственная неувязка.

Понятие пролетариата как “могильщика буржуазии” – одно из главных ненаучных допущений Маркса. Миф о рабочем классе как единственной революционной силе общества завел в тупик как рабочий класс, так и всё общество. В условиях позднего капитализма главной производительной силой стали работники умственного труда.

Авторы “Манифеста”, люди честные и страстные, и не помышляли показать, как нужно действовать практически. Применение на практике доктрин социализма не привело к созданию бесклассового общества. Обещанный социалистами путь к новой свободе оказался путем к диктатуре, тоталитарному государству и столбовой дорогой к рабству.

Под социализмом последнее время стали понимать широкое перераспределение доходов путем налогообложения и институты "государства всеобщего благоденствия", т.е. развитую сеть социального обеспечения.

Социал-демократ Вилли Брандт, возглавлявший Социалистический Интернационал, в речи, вошедшей в его книгу "Демократический социализм" (1991), признает, что "мы вошли в двери, которые нам были открыты и мыслителем Марксом, и его критиком Бернштейном". "Социализм означает для нас скорее проект свободы, который остается открытым, остается в движении, и тем самым остается человеческим".

Раздел второй Обогнавшие время

1. Сквозь очки, отшлифованные Барухом Спинозой

Самым благородным и привлекательным из великих философов назвал Спинозу современный английский мыслитель Бертран Рассел. Чем же интересен для нас этот философ XVII столетия? Вот как отвечает на этот вопрос Генрих Гейне в своем сочинении "К истории религии и философии в Германии": "При чтении Спинозы нас охватывает то же чувство, что и при созерцании великой природы в ее пронизанном жизнью покое. Лес возносящихся к небу мыслей, цветущие вершины которых волнуются в движении, меж тем как непоколебимые стволы уходят корнями в вечную землю. Некое дуновение проносится в творениях Спинозы, поистине неизъяснимое. Это как бы веяние грядущего. Дух еврейских пророков еще покоится, быть может, на их позднем потомке. Притом в нем чувствуется сосредоточенность, какая-то самоуверенная гордость, какая-то величавость мыслей: она также кажется унаследованной, ибо Спиноза принадлежал к тем семьям-мученикам, которые в те годы изгонялись ультракатолическими королями из Испании. С этим сочетается еще терпение голландца, также никогда не изменявшее этому человеку ни в жизни, ни в его произведениях".

Барух Спиноза (правильнее д'Эспиноза, 1632–1677), один из величайших философов мира, родившийся и умерший в Голландии, по крови и воспитанию был евреем. Он не перестал им быть и после херема (проклятия, отлучения от общины), который был наложен на него в 1656 году. Отлученный Спиноза не перешел в христианство. Многие в его жизни, полной перипетий, загадочно. Сама его личность окружена легендами, которые при ближайшем рассмотрении являют свою несостоятельность. Репутация безбожника и опасного "матерьялиста", тянувшаяся за ним, как шлейф, из века в век, обеспечила терпимость ревнителей советской идеологии, его не "клевали", как философов-идеалистов, начиная с Платона и кончая Лосевым, но его и не читали.

Стоит вчитаться в работы Спинозы – и эта ложная репутация рухнет. Теорема 15 его знаменитой "Этики" звучит так: "Всё, что только существует, существует в Боге, и без Бога ничто не может ни существовать, ни быть представляемо". Согласитесь, назвать атеистом человека, написавшего эти слова, можно лишь по злему умыслу. А Спиноза не просто выдвигает тезис, но доказывает свою теорему, используя при этом привычную терминологию своих противников-схоластов: все эти субстанции, модусы, акциденции, бесконечные величины. К этим терминам прибегал и его ближайший предшественник, восставший против догматической схоластики, Декарт, которому Спиноза многим обязан. Новалис называл Спинозу человеком, "опьяненным Богом", а спинозизм – "перенасыщением божеством".

Почти все задаются вопросами: в чем причина отлучения и каковы его последствия? Юный Спиноза блестяще закончил в Амстердаме общинную школу, которая славилась в еврейском мире. Он прекрасно знал Библию, Талмуд, религиозную философию, древнееврейскую поэзию. Не забудем, что среди его сочинений имеется "Очерк грамматики еврейского языка". Вне школы он изучал, помимо родного испанского, португальский (в ту пору – язык общины), голландский и латинский языки. Посещая школу латинского языка известного вольнодумца ван ден Энде, он основательно изучил математику и естествознание, приобщился к основам древнегреческого языка. Латинский язык вывел Спинозу за пределы иудаизма, на латинском написано его раннее сочинение "Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье" (1658–1660). Он станет зачинателем библейской критики, опередив тюбингенскую школу на два столетия.

Забегая вперед, можно сказать, что, подвергнув Священное Писание историческому исследованию, Спиноза пришел к заключению, что Библию нельзя рассматривать как слово Божье, продиктованное Богом. Это, по его мнению, человеческий документ, составленный разными авторами, в разное время и при различных обстоятельствах. Но она остается словом Божиим в истинном значении этого слова, т.е. в том смысле, что в ней проповедуется истинная религия. А сущность религии заключается, по его мнению, не в следовании догмам, не в строгом соблюдении обрядов, но в любви к Богу. Лучшее выражение этой любви – благочестие и послушание, ведущие к добродетельной жизни. Эти мысли он изложил в своем "Богословско-политическом трактате" (1670) и разовьет в "Этике" (издана после его смерти в 1677 г.).

Крамольные идеи бродили в его голове с юности, и он делился ими с друзьями. Смелость и независимость мысли и суждений молодого философа, видимо, навлекли на него гнев всемогущих общинных старейшин. В обосновании херема говорится, что Спиноза распространял чудовищно ложные учения и не поддавался никаким увещаниям.

Хотя многие единовѣрцы и отвернулись от Спинозы, он не стал изгоем. В Амстердаме Спиноза был душой кружка образованных людей. Кружок "спинозистов" продолжал изучать и пропагандировать идеи учителя (а учитель был подчас моложе своих последователей!) и после его отъезда из Амстердама. Изгнанный из города по требованию руководства общины, Спиноза поселился неподалеку в деревушке Оверкерк, где его поддерживали друзья. Здесь он провел несколько месяцев, после чего вернулся в город. Чем жил Спиноза в дальнейшем? Не желая всецело зависеть от друзей (отец его умер за два года до отлучения, и связи его с семьей оборвались), он научился шлифовать стекла и достиг такого мастерства, что оптики охотно покупали его товар. Остальное время было заполнено научными и философскими занятиями.

Спиноза был хрупкого здоровья, он унаследовал от рано умершей матери туберкулез. Он знал о своей болезни, потому отказался от мысли жениться, вел жизнь скромную и размеренную. Бедность не угнетала его, он научился довольствоваться малым, более всего ценил возможность познания и независимого труда. Ценил уединение, он не был анахоретом, а оставался любезным, благовоспитанным, полным достоинства человеком, общения с ним искали. В Амстердаме он провел четыре года, покинул его добровольно в 1660 году, три года прожил близ Лейдена, а затем переселился в предместье Гааги.

В Амстердаме в 1663 году был опубликован труд Спинозы "Основы философии Декарта", единственное произведение, которое вышло при жизни автора под его именем. Книга выросла из лекций, которые он читал единственному ученику (бывают же такие счастливики!), студенту теологического факультета Лейденского университета.

Почему именно о Декарте вел Спиноза беседы со своим учеником? Великий философ, математик, физик и физиолог Рене Декарт (1596–1650), всемирно известный своим постулатом: "Cogito, ergo sum" ("Мыслю, следовательно, существую"), был старшим современником Спинозы и в известной степени соотечественником. Француз по рождению, Декарт всю сознательную жизнь провел в Голландии, по уровню образования и благосостоянию превосходившей в ту пору другие европейские государства. Ее республиканское устройство способствовало свободомыслию. Учение Декарта, его "новая философия" завоевали умы голландской профессуры. Не только в голландских, но и в бельгийских и ближайших университетах Германии философия была преобразована в духе учения Декарта. Он первым заявил о самостоятельности философии как науки. До этого философию изучали как придаток теологии, курсы богословия и философии читали одни и те же профессора.

Философия Декарта способствовала рождению Спинозы-философа. Он развил идеи Декарта; пытаясь решить вопросы, поставленные гением Декарта, он создал собственную систему философии. У Декарта он заимствовал математический метод изложения, который придал его сочинениям четкую форму.

Везде Спинозу окружали друзья и почитатели, среди них встречались и знатные люди. Близким другом Спинозы был Генрих Ольденбург, княжеского рода, представлявший Нижнюю Саксонию в Англии и ставший ученым секретарем лондонского Королевского общества (иначе Академии наук). Он посетил Спинозу в его скромном сельском жилище, их переписка длилась семнадцать лет. "Люби меня, как я тебя люблю", – заканчивает Спиноза одно из писем к Ольденбургу. Ольденбург всего на три месяца пережил своего душевного друга.

Значительную роль в жизни Спинозы сыграл Ян де Витт, лидер республиканской партии, вставший во главе Голландии в очень неспокойное время, в 1653 году. Страна только вышла из войны с кромвелевской Англией, ущерб был велик. Неожиданная смерть Вильгельма II, лидера партии принцев Оранских, позволила прийти к власти республиканцам. Ян де Витт и его старший брат Корнелиус сумели добиться экономического подъема Голландии и победы в новой войне с Англией, где в это время королевская власть была уже восстановлена. Это возбудило зависть и алчность французского короля Людовика XIV. Вначале его войска заняли Фландрию (по сей день жители старинного Брюгге не могут говорить спокойно об этих событиях), затем Король-солнце вторгся в Голландию и захватил ее треть, обосновавшись в Утрехте. Растерявшегося Яна де Витта отстранили от власти, власть перешла к молодому принцу Оранскому, который и впрямь стал спасителем отечества. Оранжевисты распространяли клеветнические слухи об измене Яна и Корнелиуса де Витт, и они были растерзаны науськанной озверевшей толпой. Случилось это 29 июня 1672 года чуть ли не на глазах Спинозы. Это был едва ли не единственный случай, когда он плакал в отчаянии.

Общение с мудрым правителем, каким, несомненно, был Ян де Витт, его покровительство помогли Спинозе закончить и анонимно (!) опубликовать "Богословско-политический трактат". Ради этого он переехал в Гаагу в 1670 году. Его сосредоточенность на Ветхом Завете и истории еврейского народа, библейская критика дали основание думать, что трактат написан в ответ на наложенный на него херем, однако последующие исследования доказали безосновательность этих предположений. Спекулятивный (от *Speculations* – размышления) склад ума, созерцательность Спинозы не отменяли его интереса к современности. Между тем злобой дня являлось вторжение кальвинистского духовенства в государственную жизнь и его претензии на исключительную и руководящую роль в области умственной жизни. При этом свои непомерные притязания церковники основывали на авторитете Ветхого Завета, к которому они апеллировали, себя же они уподобляли библейским пророкам. Спиноза, живший в стране, которой управляли свободомыслящие и веротерпимые люди, понимал опасность партии оранжевистов, которую поддерживали клерикалы, потому он выступил против иерархов церкви в интересах свободной общественности. Направляя свою критику на библейских пророков, Спиноза метил в кальвинистов. Целью трактата было раз и навсегда установить отношения между религией и разумом, государством и церковью. Спиноза доказал, что философия не имеет ничего общего с теологией и никак не может быть ее прислужницей. Он отстаивал свободу мысли, свободу совести. Религия, которой он не отрицал, в его философско-этической системе есть религия разума.

Макс Даймонт в своей книге "Евреи, Бог и история" пишет: "Еврейский психиатр Зигмунд Фрейд приподнял завесу над тайнами человеческого разума. Открытие психоанализа революционизировало все представления человека о самом себе и об отношении духа к материи. За три столетия до Фрейда еврейский философ Барух Спиноза писал о губительности аффектов и провозгласил освобождение философии от мистики, открыв тем самым путь к рационализму и современной науке.

Книга Спинозы вызвала в Европе настоящую бурю. Ярости богословов не было границ, они первыми обвинили анонимного автора в атеизме: "Автор построил здание своего атеизма с искусством сатаны". Картезианцы (последователи Декарта) поспешили отмежеваться от сочинения, чтобы снять с себя ответственность. Переведенная на голландский язык, книга была

запрещена и конфискована сразу же после издания в 1671 году. Спустя три года она была осуждена специальным указом нового правителя. Продолжая работать над "Этикой", Спиноза не рассчитывал увидеть ее опубликованной. Она была известна в рукописи лишь его ученикам и друзьям.

Тем не менее известность Спинозы росла. Неожиданно он становится объектом внимания двух монархов Европы. Спустя три недели после гибели братьев де Витт принц Конде, главнокомандующий французскими оккупационными войсками, приглашает Спинозу в Утрехт, где ему обещают высокое покровительство при условии, что он посвятит одно из своих сочинений французскому монарху. Ответив, что он посвящает свои сочинения только истине, Спиноза возвращается в Гаагу. Полгода спустя он получает предложение курфюрста Пфальцского занять место ординарного профессора философии в Гейдельбергском университете. Профессор богословия Фабрициус в письме, написанном по поручению Карла Людовика, обещает: "Вы будете пользоваться совершенной свободой философствования; он (курфюрст. – Г. И.) только надеется, что вы не злоупотребите этой свободой для подрыва и нанесения вреда господствующей религии". Но и это лестное предложение Спиноза отклоняет.

"Этика, доказанная в геометрическом порядке" состоит из пяти частей, в которых трактуется: I. О Боге; II. О природе и происхождении души; III. О происхождении и природе аффектов; IV. О человеческом рабстве, или О силах аффектов; V. О могуществе разума, или О человеческой свободе.

Пантеистическое мировоззрение Спинозы рационалистично, т.е. это воззрение, видящее в разуме сущность человека. Определяя смысл человеческой жизни, Спиноза исходит из понятия Бога.

Человеческая душа, по Спинозе, есть часть мировой души. Человек не способен действовать по свободной воле, ибо все его поступки (как, впрочем, и бездействие) определяются единым, всеобъемлющим бытием, иначе говоря – Богом. По формальной логике, Спиноза вроде бы приходит к полному отрицанию нравственности, поскольку отсутствует ответственность за действия. Но плодотворность теории Спинозы для этики как раз и заключалась в том, что он различал разумные действия и действия под влиянием аффектов. Человек, подчиненный аффектам, или страстям души, несвободен в своих действиях. Причиной аффектов – вражды, зависти, страха, скорби и др. – являются заблуждения, невежество. Чтобы достичь свободы, нужно совершенствовать свой разум. Свобода заключается в познании, в укрощении аффектов, наконец, в успокоении души, которое рождается от созерцания Бога. Истинное познание природы страстей освобождает и исцеляет от них, так достигается свобода.

Спиноза учит нравственному совершенствованию. В его основе – знание и познание. Познание сопряжено, по его разумению, с радостью и блаженством. Блаженство – это не награда за добродетель, это сама добродетель. Высшее блаженство заключено в усовершенствовании общества, которое должно заботиться о духовном и телесном здоровье своих граждан, особенно молодежи. Спиноза первым стал создавать не только индивидуальную, но социальную этику, при этом он принадлежал к философам, которые объясняли мир, и никогда не претендовал на то, чтобы изменить его. Он не давал конкретных рекомендаций. В нескольких теоремах он представил тип будущего общества с его требованиями гуманности и справедливости. Нынешняя модель западной цивилизации учла эти фундаментальные идеи Спинозы, но лишь в самом общем виде. Современный мир озабочен и обеспокоен духовным и телесным здоровьем.

Спиноза в своей "Этике" не делает акцента на национальных различиях, а сосредоточен на понятиях Бога и человечества. По словам Альберта Эйнштейна, Спиноза был творцом "космической религиозности". Лишь в глазах несведущих потомков он прослыл атеистом.

Интерес к Спинозе пробудился в Германии в конце XVIII века. К тому времени немецкие философы переросли деизм, который еще находил поддержку у французских энциклопеди-

стов, в частности у Вольтера, насмеявшегося над Спинозой. А вот Гёте был убежденным *спинозистом*. Гердер (немецкий историк, философ-просветитель) не раз отмечал "зацикленность" Гёте на Спинозе: "Хоть бы раз Гёте взял в руки какуюнибудь другую латинскую книгу, кроме Спинозы!" Гёте был не одинок в своем увлечении: пантеизм стал тайной религией молодых поэтов и философов-романтиков. В "споре о пантеизме", а фактически в полемике о Спинозе приняли живейшее участие Гёте, Форстер, Кант. Молодой Шеллинг пишет Гегелю, с которым он в одно время обучался в Тюбингенском университете: "За это время я стал спинозистом, ты скоро узнаешь, каким образом".

Для Гёте было чрезвычайно важно, что Спиноза подтвердил неразрывную связь Бога и природы. Этот философ обусловил ценность и достоинство единичных явлений тем, что установил обратную связь их бытия с божественной субстанцией. Это пусть Гегель считает, что "учение Спинозы было философией субстанциальности, а не пантеизмом" ("Лекции по философии религии"), а для него, Гёте, Спиноза прежде всего философ, убедительно идентифицирующий Бога с Природой.

Природа, по мнению Гёте, – средство к успокоению современной души, вечный животворящий родник. "Природа немедленно отвергает как несостоятельного всякого, кто изучает и наблюдает ее недостаточно чисто и честно". Прачувство живого бытия, единого в Боге, которое было ведомо и Спинозе, запечатлел Гёте в стихотворении зрелой поры:

Когда в бескрайности природы,
Где, повторяясь, всё течет,
Растут бесчисленные своды
И каждый свод врастает в свод,
Тогда звезда и червь убогий
Равны пред мощью бытия,
И мнится нам покоем в Боге
Вся мировая толчея.

(Перевод А. Ревича)

На Гёте производили впечатление не только спокойная строгость и точность в аргументации "Этики", но и сама личность Спинозы, и его жизнь, такая простая, достойная и гордая. В автобиографической книге "Поэзия и правда" Гёте отдал дань уважения этому "гению знания" и "самому чистому мудрецу", как позже назовет Спинозу Ницше. Предоставим слово Гёте, ведь лучше не скажешь: "Этот великий ум, так решительно на меня воздействовавший и оказавший такое влияние на весь строй моего мышления, был Спиноза. После того как я везде и всюду тщетно искал средство, которое помогло бы формированию моей неучтливой и прихотливой сути, я напал наконец на его 'Этику'. Что я вынес из трактата Спинозы и что, напротив, в него привнес, в этом я не сумел бы дать себе отчета. Как бы то ни было, он успокоил мои разбушевавшиеся страсти, и словно бы в свободной и необъятной перспективе передо мной открылся весь чувственный и весь нравственный мир. Но прежде всего захватило меня в этом мыслителе полнейшее бескорыстие, светившееся в каждом из его положений. Удивительное речение: 'Кто доподлинно возлюбил Бога, не станет требовать, чтобы Бог отвечал ему тем же', со всеми предпосылками, на которых оно основывается, со всеми следствиями, которые из него вытекают, заполонило все мои мысли. [...] Всё уравнивающее спокойствие Спинозы резко контрастировало с моей всё будоражащей душевной смутой, его математическая метода была как бы зеркальным отражением моего образнопоэтического мышления, и его строго теоретическая метода истолкования, которая многими считалась недопустимой в применении к нравственным проблемам, как раз сделала меня его верным учеником и страстным почитателем".

Спиноза укрепил веру автора "Фауста" в божественное начало в этом мире, но при этом Гёте характеризовал себя как "решительного нехристианина". "Предпосылок христианского мирозерцания – дьявола и первородного греха – Гёте не принимал, следуя своему учителю Спинозе", – пишет, сокрушаясь, русский богослов Сергей Соловьёв в статье "Гёте и христианство".

Когда Гёте впоследствии приступил к исследованиям мира и природы, почерпнутое им у Спинозы продолжало расти и развиваться и достигло со временем полного расцвета. Гёте был обязан Спинозе не только как мыслитель, но и как поэт. "Гёте был Спинозой поэзии", по словам Гейне: "Учение Спинозы вылетело из математической куколки и порхает вокруг нас в виде гётевской песни. Отсюда ярость наших ортодоксов и пиетистов против песен Гёте".

Спинозизм Гёте имел глубокие последствия, ибо влияние такого великого ума на духовную жизнь немцев и человечества было значительным, а с этим влиянием приобретало господство над умами и учение Баруха Спинозы.

Спиноза сыграл заметную роль в философской революции, которую переживала Германия на исходе XVIII века. Он стал ее соучастником благодаря молодому Шеллингу, на первых порах ревностному продолжателю Спинозы. "Шеллинг вновь восстановил природу в ее законных правах, он стремился к примирению духа и природы, он хотел восстановить их в предвечной мировой душе" (Гейне). Учение Спинозы и натурфилософия, как ее обосновал в молодости Шеллинг, по существу, представляют одно и то же. Он понимает натурфилософию как "спинозизм физики". Он пробует писать, используя математическую форму *a la Spinoza*. Ум Шеллинга, строгая мысль влекут его к автору "Этики". Но когда в 1801–1802 гг. он изложил в нескольких статьях свою философию, теоретик йенских романтиков Фридрих Шлегель откликнулся так: "Это действительно спинозизм. Но без *любви*, то есть без того единственного, что я ценю в Спинозе". Через несколько лет он повторит свой приговор: "Он вполне владеет буквой Спинозы, но только ею. Духа же Спинозы, а именно любви и красоты, короче говоря, того в Спинозе, что несравненно лучше его системы, в нем нет и следа". Шлегель в своих оценках не объективен, он увидел в Шеллинге только логику. Между тем Шеллинг не был панрационалистом, подобно Гегелю. Да, Шеллинг метался между Спинозой и Платоном, между Фихте и Кантом. Ум с сердцем были у него явно не в ладу. Если Гёте был поэтом-мыслителем, то Шеллинг чем далее, тем больше становился мыслителем-поэтом, разумеется, не для того чтобы угодить Шлегелю, просто он был одарен от природы склонностью к поэзии. Даже отойдя от натурфилософии, Шеллинг не уставал пропагандировать спинозизм. В мюнхенских лекциях 1827 года встречаем его признание: "Спинозизм, невзирая на множество нападок и мнимых опровержений, никогда не становился чем-то пройденным в подлинном смысле слова, никогда не был по-настоящему преодолен, и, должно быть, никто не может надеяться достичь в философии истины и совершенства, не погрузившись хотя бы отчасти в своей жизни в бездну спинозизма". Он был пророком науки, который инстинктивно, по вдохновению овладевает истиной. Такие гении системы, как правило, не создают. Величественную философскую систему смог создать товарищ студенческой юности Шлегеля рационалист Гегель.

Гегель довольно часто цитирует Спинозу, ссылается на него, полемизирует с ним и идет дальше. Шеллинг, по его мнению, потерпел неудачу, поскольку "Спиноза не занимался натурфилософией, он трактовал другую часть конкретной философии – этику", откуда невозможно было извлечь метода, столь необходимого для науки о природе. Гегель ясно понял и указал противоположность между философией Спинозы и материализмом. Материализм принижает дух до поглощающей его материи и тем самым разрушает основу нравственного воспитания человеческого рода. Спиноза одухотворяет материю и всё подчиняет возвышенному нравственному закону: "Высшее определение, предназначение человека – это его направленность к Богу, чистая любовь к Богу, как говорит Спиноза, *sub specie aeterni*" ("В аспекте вечности" – лат.).

Гегель своим авторитетом перечеркнул ложный знак равенства между спинозизмом и атеизмом и снял клеймо безбожника с "маленького амстердамского еврея".

Споры, которые велись в философских и околофилософских кругах Германии в начале XIX века, выявили разброс мнений относительно учения Спинозы. Оказалось, есть *спинозисты* и *спинозисты*. Так, лидер йенских романтиков Фридрих Шлегель в "Разговоре о поэзии" (1800) пишет: "Я едва могу понять, как можно быть поэтом, не почитая и не любя Спинозы, не став вполне его приверженцем". Спустя шесть лет в письме брату Августу, тоже романтику первого призыва, он признается: "Я никогда не перестану восхищаться самим Спинозой, законченной формой его духа, его величием и красотой. Но я никогда не признавал спинозизма как единственной философии, как системы, исключаящей всё остальное... Спинозизм, если в него верить как в систему и полную истину, разрушает самые благородные силы". Далее он называет ведущих романтиков, причастных спинозизму. А как им не быть причастными, если все они были пантеистами, подчас тайными?! Шлегель спокоен за Новалиса, который в своей сосредоточенности на загадках природы, в своих мистических озарениях добился "полной метаморфозы спинозизма". А вот в будущем Людвига Тика Шлегель не уверен: "Причина меланхолии и бездеятельности Тика – в том, что он чересчур спинозист". Шлейермахер небезнадежен. Он – спинозист "на оригинальный манер": этику Спинозы он хочет сделать религией всех образованных людей.

Мимо Спинозы не мог пройти и Ницше, в своей философии как никто другой сосредоточенный на проблемах морали. Быть может, этот бесконечно одинокий мученик познания лучше других понял трагедию Спинозы, трагедию свободного ума и страдальца "во имя истины". В программном произведении "По ту сторону добра и зла" есть у него строки – предостережения, обращенные к философам, друзьям познания, к этим *рыцарям печального образа*: "Окружите себя людьми, подобными саду... изберите себе *хорошее* одиночество, свободное, веселое, легкое одиночество, которое даст и вам право оставаться еще в каком-нибудь смысле хорошими! Какими ядовитыми, какими хитрыми, какими дурными делает людей всякая долгая война, которую нельзя вести открытою силой! Какими *личными* делает их долгий страх, долгое наблюдение за врагами, за возможными врагами! Эти изгнанники общества, эти долго преследуемые, злобно травимые, – такие отшельники по принуждению, эти Спинозы или Джордано Бруно – становятся всегда в конце концов рафинированными мстителями и отравителями, хотя бы и под прикрытием духовного маскарада и, может быть, бессознательно для самих себя (доройтесь хоть раз до дна этики и теологии Спинозы!)..."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.